

Озорник — эпизод 8 из 8

Разве можно меня с какой-нибудь точки забраковать? А я забракован в жизни нет мне в ней хода... Почему-с? Потому, что не учен? Так ведь ежели бы вы, ученые, не с точек зрения рассуждали, а как-нибудь иначе, должны вы меня не забыть и извлечь вверх к вам снизу, где я гнию в невежестве и озлоблении моих чувств? Или с точки зрения не должны?

Гвоздев прищурил глаз и, торжествуя, посмотрел в лицо своего собеседника. Он чувствовал себя в ударе и выпускал из себя всю свою философию, придуманную в долгие годы своей трудовой, безалаберной и бесплодной жизни. Редактор был смущен натиском собеседника и старался определить что это за человек и что ему возразить на его речь? А Гвоздев, в упоении самим собой, продолжал:

Вы люди умные, сто ответов мне дадите, и все будет нет, не должны! А я говорю должны! Почему? Потому что я и вы люди из одной улицы и одного происхождения... Вы не настоящие господа жизни, не дворяне... С тех нашему брату взятки гладки. Те скажут: Пшел к черту! и пойдешь. Потому они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы свой брат, и я могу требовать с вас указания пути моей жизни. Я мещанин, и Хрулев тоже, и вы дьяконов сын...

Но, позвольте... просительно сказал редактор, разве я отрицаю ваше право? Но Гвоздеву совсем неинтересно было знать, что отрицает и что признает редактор; ему нужно было высказаться, и он чувствовал себя в этот момент способным сказать все, что когда-либо волновало его.

Нет, вы позвольте! уже каким-то таинственным шепотом говорил он, близко склоняясь к редактору и блестя возбужденными глазами. Как вы думаете, легко мне теперь работать на моих товарищей, которым я в старину носы расквашивал? Легко мне с господина судебного следователя Хрулева, у которого я с год тому назад ватерклозет устанавливал, сорок копеек на чай получить? Ведь он человек одного со мною ранга... и было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчас, как тогда были...

Редактор задумчиво смотрел на него сбоку и молча соображал что же сказать этому парню? Нужно сказать что-нибудь хорошее, правдивое и искреннее. Но у Дмитрия Павловича Истомина ничего нужного в данный момент не нашлось ни в голове, ни в сердце. Давно уже всякие идейные и выпренные разговоры по вопросам вызывали в нем чувство скуки и утомления. Он вышел сегодня отдохнуть, нарочно избегал встреч с знакомыми и вот этот человек со своими речами. Конечно, в его речах, как и во всем, что говорят люди, есть некоторая

доля правды. Они любопытны и могли бы послужить очень интересной темой для фельетона...

Все, что вы сказали, не ново, знаете, начал он. О несправедливости отношений человека к человеку давно идет речь... Но, пожалуй, эти ваши речи являются новостью в том смысле, что раньше их говорили люди иного сорта... Вы несколько односторонне и неверно формулируете ваши думы... но... Опять ваша точка зрения! усмехнулся Гвоздев. Эхма, господа, господа! Умом-то вы награждены, а сердце-то, видно, померло... Вы мне скажите что-нибудь такое, чтобы сразу по недугу мне пришлось... вот!

Он, опустив голову, ждал ответа.

Истомин снова посмотрел на него, наморщив лоб, ощущая сильное желание уйти. Ему казалось, что Гвоздев пьянеет и оттого так раскис после своих возбужденных речей. Он смотрел на белую фуражку, съехавшую на затылок, на рябую щеку и задорный вихор Гвоздева, смерил взглядом всю его сильную жилистую фигуру и подумал про него, что это очень типичный рабочий, и если б...

Так что же? спросил Гвоздев.

Да что же я могу вам сказать? Откровенно говоря, я не совсем ясно представляю себе, что именно хотели бы вы...

То-то вот и есть!.. Ничего вы мне не можете ответить, усмехнулся Гвоздев. Редактор облегченно вздохнул, справедливо предполагая, что разговор окончен и Гвоздев уже не будет больше к нему приставать с вопросами... И вдруг он подумал:

А что, как он побьет меня? Он такой злой.

Ему вспомнилось выражение лица Гвоздева там, в редакции, во время этой глупой сцены. И он подозрительно покосился на него.

Было уже темно. Тишина прерывалась звуками песни, долетавшей издалека с реки. Пели хором, теноровые голоса слышались совсем ясно. Большие жуки, металлически звеня, носились в воздухе. Сквозь листву деревьев видны были звезды... Иногда та или другая ветка над головами отчего-то вздрагивала и слышалось тихое трепетание листьев.

А ведь роса будет, сказал редактор осторожно.

Гвоздев вздрогнул и повернулся к нему.

Что вы сказали?

Роса будет, говорю, вредно это...

А-а!

Помолчали. На реке раздался крик:

Эй-й! На-а барже-е!..

Я думаю идти. До свидания!..

А не распить ли нам пару пива? предложил вдруг Гвоздев и, усмехаясь,

добавил: Окажите честь!

Нет, извините, я в это время не могу. И потом пора мне, знаете...

Гвоздев встал с дерева и угрюмо посмотрел на редактора.

Тот протягивал ему руку, тоже встав.

Не желаете, значит, пить пиво со мной?! Ну и черт с вами! отрубил Гвоздев, нахлобучивая свою фуражку резким жестом. Аристократия! На грош пара! Я и один напьюсь...

Редактор храбро повернулся спиной к своему собеседнику и пошел вверх по тропинке, странно втянув голову в плечи, точно боялся задеть ею за что-нибудь. Гвоздев крупными шагами пошел вниз по горе.

С реки доносился надрывавшийся голос:

На барже-е! Черти-и! Да-а-вай лодку-у-у!

И среди деревьев разносилось тихое эхо:

О-у-у-у!..